

Мария Жученко

«Велосипед»

Действующие лица:

Он

Она

Дед

Комната в деревянном доме – не то деревенском, не то просто садовом, но давно запущенном. Огромный книжный шкаф. Мебель старая, но крепкая – эдакие «остатки былой роскоши».

I

Тихое тусклое утро.

Он (*читает газету*): «Наводнение в Южном Колорадо. Уровень воды поднялся на рекордный уровень. Жители в панике. Есть жертвы среди людей и животных».

Она: Дождь идет.

Он: Да, дорогу размочит. Значит, сегодня я в город не пойду. Завтра схожу.

Она: Можно и в объезд, по шоссе. На велосипеде. Дождь не на целый день.

Он: У велосипеда цепь слетает каждые пять минут.

Она: Всего лишь. Можно ведь починить?

Он не отвечает, ложится с книгой на койку. Она какое-то время молча смотрит на него, потом медленно встает, складывает газету, убирает со стола. Подходит к книжному шкафу, разглядывает полки.

Она: Мне кажется, я уже не найду здесь непрочитанной книги.

Он (*иронично*): У велосипеда всего лишь слетает цепь, и дождь не будет идти целый день. В городе три книжных магазина.

Она (*берет с полки довольно потрепанную книгу*): Вот эту я давно не перечитывала.

Оглядывается в поисках места, неуверенно бродит по комнате, останавливается у окна и смотрит на дождь. Он неслышно подходит к ней сзади.

Он: Представь, что дождь не заканчивается, он все идет и идет. И комната наполняется сыростью, вот уже отклеились от стен наши дешевые тусклые обои, на их месте расплзается плесень, ее щупальца тянутся по стенам, по потолку, подбираются к тебе... А ты не можешь пошевелиться, и плесень покрывает тебя, съедает твою кожу, проникает в кровь, ползет по сосудам, к сердцу, к мозгу...

Она (*шепотом*): А ты?

Он: А меня нет. Ты забыла? Я починил велосипед и уехал в город.

Она: Дурак! (*он смеется*) Слышишь? Кап ,кап, кап... Где-то снова протекает крыша.

Он: Кажется, на кухне.

Она некоторое время продолжает смотреть в окно как загнивающая. Замечает что-то, вглядывается.

Она: Дед идет.

Он: К тебе.

Она: Почему не к тебе?

Он: В дождь он всегда приходит к тебе.

Она: Не замечала. Пойду заварю чай.

Он: У нас есть что-то к чаю?

Она: Нет.

Он: Тогда зачем?

Она: Так... Неудобно...

Он: Я его встречу.

Выходит, вскоре возвращается с дедом. Дед бодр духом, но глуховат, подслеповат и ходит с трудом. Носит с собой большой вещмешок. Усаживается в кресло, ставит мешок рядом, открывает, роется в нем.

Дед: ... чай – это хорошо, это замечательно. Я вот как знал, что вы будете чаем поить. Мне внучок посылочку прислал, так там печенье, вот мы сейчас и распробуем, какое у них там пекут.

Достаёт из мешка коробку дорогого заграничного печенья, конфеты, шоколад, хозяйски расставляет на столе. Она слабо протестует, но недолго и еле слышно.

Он: Это откуда же он вам прислал? Из Дижона?

Дед: Нет, это из Дании, не помню, как город зовется, но Гамлет, принц датский, у них проездом был. А в Дижоне, милый, другой внучок мой. Тоже вот давеча письмо прислал, открытки с видами. Да вот я сейчас покажу...

Она: Сколько же у вас внуков?

Дед: А я и не знаю, милая, я после восьмого и считать перестал (*смеется*). Много их, а правнуков и того больше. Мы вообще плодовитые. Нас у бабки с мамкой вон сколько по двору бегало, соседи все счесть не могли. А вот открытки. Красиво у них там, что сказать. Вы-то молодые, как ехать туда соберетесь, и меня с собой прихватите, а? (*смеется, подмигивает*) Как мыслите, смогу я на этих их лыжах кривых устоять? В молодости-то я лихо на лыжах бегал, да только на наших, простых. Бежишь, а сзади догоняют. Ну, соперники. Я ведь в соревнованиях участвовал, меня и от школы, и от техникума, и от завода выставляли. Бывало и побеждал, да. Где-то грамоты лежат, на чердаке, а то в подвале, не помню. Жена как-то разозлилась, да и запрятала. Ух, она у меня была с характером. Да я тоже не промах – взял да все ее книги куму отнес, (*Ему*) деду твоему, а ей сказал, что в печке сжег, в отместку, значит, за грамоты. Она в рев. Редко плакала, я и не ожидал. Шутка, говорю, успокойся, дура! Как ты вообще подумать могла, что я книги сжечь могу! Она слезы вытерла – и хватъ кочергу! Я от нее бегом – и в спальню. А там уж договорились. Дочка потом родилась. Думали, писателем станет.

Она: Стала?

Дед: Почти. Переводчик она. С делегациями по миру ездила, все жене моей наряды за границей покупала. Жены-то нет давно, дочка в Канаду жить усвистала, а наряды лежат. Тогда платья приносил, помнишь? Тоже ее, заграничные. Подошли хоть, нет? Ну, ладно. А сейчас вот шляпы. На чердаке у меня стояли коробки, стояли... А чего им, думаю, пылиться? Платья отдал, так и шляпы забирай, верно? Тут еще что-то, так сама уж поглядишь, не знаю я, куда оно, для чего...

Достает из мешка шляпные, обувные и другие коробки и свертки.

Дед: Ну, разбирайте, смотрите, а я и пойду, пожалуй. Дел невпроворот. Прощайте. На днях, может, загляну поболтать, а пока некогда. Сырость такая, того и гляди плесень где ползет, а то и крыша прохудится - глаз да глаз нужен. Хозяйство. Пойду.

Он (*рассеянно*): Да, прощайте.

Она: Да, конечно, конечно...

Дед уходит. Он открывает коробку, задумчиво ест печенье, разглядывая оставленные дедом открытки. Она берет в руки шляпу, рассматривает, примеряет. Смотрит на себя в мутное зеркало.

Он: Послушай, а...

Она: Что?

Он: Нет, ничего. Красивая шляпа.

Она: Правда?

Он: Конечно.

Она: Столько всего... Я даже спасибо не сказала...

Он: Ну, догони. А еще лучше – нацепи все это барахло и пойди покрасуйся перед ним. Глядишь, тоже в спальню заманит.

Она медленно снимает шляпу, осторожно кладет ее на стол с остальными вещами. Берет чайник и медленно уходит на кухню. Он раздраженно мерит комнату шагами из угла в угол.

Он: Прости! Слышишь? Я прошу у тебя прощения. Я не хотел тебя обижать. Просто это все – и открытки, и конфеты, и шляпа... Внуки по всему миру, посылки шлют... Кочерга в спальне! Сколько ему лет? Не знаешь? Восемьдесят три! Восемьдесят три года, а он собирается ехать в Дижон кататься на горных лыжах! (*передразнивает*) Когда вы, молодые, соберетесь... Да никогда мы не соберемся! Мы так и будем сидеть в этой халупе, слушать, где новая течь в этой дырявой крыше и перечитывать одни и те же книги по сто раз. Ты меня слышишь? Когда кончится этот чертов дождь, я починю велосипед, я поеду в город, и я не вернусь! Слышишь?

Они тихо подходит к нему, усаживает на койку, садится рядом, гладит по голове и словно бы убаюкивает.

Она: Это я поеду в город и отвезу туда эти наряды: и платья, и шляпы, и все, что он приносил когда-то. Я знаю магазинчик, где их примут. Они теперь дорого стоят, это все от известных кутюрье, их купят коллекционеры. И мы продадим эту халупу и сад, мы поедем смотреть мир, и непременно возьмем с собой деда. Он познакомит нас со всеми своими детьми, внуками и правнуками. Мы останемся там, где нам больше всего понравится. Дед добрый, и дети его наверняка такие же добрые, они помогут нам устроиться на новом месте. У нас будет маленький домик, но не на краю леса, а на берегу моря. И дожди там идут короткие и солнечные, а не бесконечно-серые, как здесь. Мы станем красивыми и добрыми, и наши дети будут такими, и внуки, и правнуки, и никто никого не обидит больше... Надо всего лишь подтянуть велосипедную цепь...

II

Утро пасмурное и очень ветренное – неясно, развеет тучи или пригонит бурю. Он сидит за столом, чинит какой-то сложный механизм, порой заглядывая в расстеленную на столе газету.

Он (*читает в газете*): «Сенсация на аукционе Сотбис! За небывалые деньги продана первая авторучка, собранная монахами-францисканцами в конце XIV века! Неизвестный коллекционер стал миллиардером!»

Она входит с ворохом платьев. Раскладывает их по стульям, примеряет к ним шляпы и шали, составляя комплекты.

Она: Что это у тебя? Дед принес очередное старье, которое уже никогда не будет работать?

Он: Все можно починить.

Она: Да?

Молчат, погруженные в свои дела.

Она: Так все-таки, что это?

Он: Механизм музыкальной шкатулки.

Она: И ты действительно можешь его починить?

Он: Конечно.

Она: И починишь?

Он: Да.

Она: А весь тот хлам, который вы с дедом перетаскиваете с его чердака в наш сарай?

Он: Это не хлам. Это антиквариат.

Она: И это все тоже можно починить?

Он: Да. Там есть уникальные вещи.

Заканчивает ремонт, запускает механизм, звучит тихая музыка. Он оглядывается, видит разложенные ею наряды.

Он: Представь, что у нас свой магазинчик, с твоими нарядами и моим антиквариатом. Такой, как на Монмартре.

Она: Ты был на Монмартре?

Он: Нет, но ты же можешь представить? Маленький магазинчик, скорее даже просто лавка. Резные двери с цветными матовыми стеклами и бронзовыми ручками в виде головы льва. Колокольчик потемневшего серебра над дверью, чтобы возвещать о посетителях. Внутри – словно в салоне. Старинные часы, торшеры и комоды. Манекены в твоих нарядах. Чуть в стороне – настоящее вольтерианское кресло – у деда есть такое на чердаке, я видел. Рядом с ним столик, на нем – телефонный аппарат, начала XX века, с

инкрустацией, но действующий, представляешь? Это для посетителей. На столике лежат подшивки рекламных журналов прошлого века, у нас есть такие, в шкафу, на нижней полке, в кожаном переплете. И ты – хозяйка салона, встречаешь посетителей, в красивом платье.

Она: А ты?

Он: А я варю для них вкуснейший кофе. Помнишь, мы пробовали на побережье?

Она: Да, помню. Его варил такой странный араб...

Он: А стены обшиты панелями красного дерева, и развешаны картины Караваджо. А на вывеске – непременно жестяной, нависающей поперек переулка...

Она: «Мадам де Скюдери»!

Он: Пусть так. И на всех столах, на комодах и подоконниках – старинные безделушки, музыкальные шкатулки, приспособления, назначение которых уже все позабыли. Механические игрушки.

Она: Это красиво, но вдруг никто ничего у нас не купит?

Он: А мы будем продавать механических бабочек. Много-много маленьких механических бабочек. Я знаю, как их делать, дед меня научил. А ты будешь раскрашивать их так, как умеешь только ты.

Она: Магазин механических бабочек?

Он: Да. Лавка механических бабочек.

Она: На Монмартре?

Он: Или в любом другом месте.

Она: А как же домик у моря?

Он: Это в старости.

Она: В старости?

Он: Да. Мы оставим лавку нашим детям и уедем к морю.

Она: У нас все-таки будут дети?

Он: Там – обязательно.

Она: Там?

Он: Да, там. Здесь это так глупо, что даже не смешно.

Она: И мы оставим детям лавку, уедем к морю, будем слушать прибой и вспоминать, как шумел наш лес.

Он: Да. Может быть, так.

Она: Может. Быть. Так.

III

Солнечное утро. На столе чай, остатки принесенных дедом лакомств. Он читает газету.

Он: «Небывалая жара обрушилась на Новую Зеландию. Старожилы в шоке. Редкие виды обезьян на грани вымирания. Местные жители подозревают, что это проклятие полинезийских колдунов».

Она: Сегодня жарко. Я даже не знаю, как поеду с этой горой вещей. И цепь нужно постоянно подтягивать. Послушай, может быть, я для начала отвезу в магазин несколько штук, все разузнаю? Вдруг они согласятся приехать и забрать все?

Он: Можно позвонить и спросить. Ты знаешь их номер?

Она: Я записывала его в какой-то блокнот. Надо поискать.

Он: Поищи.

Она: Заодно и разберу бумаги. Наверняка среди этой макулатуры много уже не нужного. А если мы будем переезжать...

Она не спеша убирает посуду, подходит к книжному шкафу, садится на пол и открывает нижний ящик. Достает оттуда кипу папок, тетрадей, блокнотов. Начинает их разбирать, внимательно прочитывая каждый листок.

Он дочитывает газету, осматривает комнату, словно желая найти себе занятие, потом ложится с книгой на койку.

Тишина, шелест страниц.

Входит дед, откашливается, привлекая внимание.

Дед: Оно, конечно, народ у нас тут мирный, но дверь запирать все одно надо. Вот, помню, жили мы в общежитии при техникуме, и завелся у нас воришка. Как ты дверь не запирай, залезет и сахар умыкнет. Только сахар брал, ничего больше, а то ведь не у всякого он был, роскошь! Задумали мы его изловить, целый план сочинили, как в детективах настоящих, - а он возьми да и перестань воровать! Даже обидно стало. А вы, я смотрю, все читаете? Это правильно, образование штука нужная. Я вот тоже читать любил – страсть! А теперь глаза уже не те. Вот к вам и иду за помощью. Поди, не откажете?

Он: О чем разговор? Конечно, поможем. Что случилось?

Дед: Да вот оказия какая... Отправлял я письмо на розыгрыш: кто, значит, пятьдесят восьмое письмо пришлет, тому в подарок таз самогреющийся, чтобы ноги парить. Ну, конечно, особо я не надеялся, да в свою удачу всякому верить охота. Вот и пришел мне ответ, да что-то не разберу я ничего. Вроде как билеты какие-то, а куда? Зачем? Или там таз этот будут показывать как на презентации? Посмотри, милый.

Он: Мм... А вы только на один конкурс письмо отправляли?

Дед: А на что мне другие?

Он: Не знаю... Но тут сказано, что вы выиграли два билета на концерт, посвященный 100-летию городской филармонии.

Дед: Ох ты ж! Это я дал маху... А таз как же?

Он: Про таз ни слова.

Дед: Точно?

Он: Точно.

Дед: Ну ить и на кой мне та филармония? Я лучше дома радио послушаю. А то граммофон заведу. У меня пластинки есть – куда там этой филармонии! Приходите как-нибудь, я вам поставлю послушать.

Он: Спасибо. Как-нибудь. Обязательно.

Дед: Да, мы с твоими-то дедом да бабкой частенько сидели, Русланову слушали, а то и оперу какую. Жена пирогов настряпает, чаю заварит травяного... Хорошо было, да. А когда и в город выбирались, если артисты столичные до нас доезжали. Вы-то, поди, насмотрелись всяких, пока тут не осели, вот и не ходите уже никуда, а для нас как праздник был.

Она (себе под нос): Да уж, насмотрелись.

Дед: Так я, может, билеты вам и оставлю? А? Вы сколько в городе не были уже?

Он: Да мы как-то и не...

Она (неожиданно громко): Оставьте, мы подумаем. (*Ему, нарочито ласково*) Правда, дорогой?

Он: Да, дорогая.

Дед: Ну ладно. Извините, если помешал. Пойду.

Уходит.

Она снова погружается в бумаги, разрывая ненужные несколько громче, чем это необходимо. Он, посмеиваясь, укладывает обратно. Читает, но его клонит в сон.

Солнце садится. Она откладывает в сторону не просмотренные бумаги, потягивается, зевает... Комната погружается в темноту.

IV

Утро. Пасмурно, но дождя не ожидается. На столе чай. Он читает газету. Она рассматривает билеты.

Он: «Культурный шок для жителей мегаполиса! Звезды шоу-бизнеса собрали команды по керлингу и просят власти разрешить первый в мире чемпионат супер-стар! Ожидаются массовые беспорядки в местах продажи билетов!»

Она: Я тоже хочу культурный шок. Может быть, сходим на концерт?

Он: Дед приглашал в гости. У него есть граммофон и много пластинок. Это ближе, чем филармония. И наверняка лучше.

Она привычно, но чуть раздражённее обычного убирает со стола, уходит к шкафу, пытается продолжить разбирать бумаги. Он ложится на койку, берет книгу, откладывает, встаёт, бродит по комнате, берясь то за один, то за другой предмет, разглядывает что-то за окном.

Она: Пока я не продала все платья, я хочу хоть немного понарядиться. А этот концерт – прекрасный повод выйти в свет.

Он: К сожалению, мне выйти в свет решительно не в чем. Хочешь, иди одна. В наряде от кутюр, пешком через лес...

Она: Перестань! Пусть пешком. Нет! Я надену красивое платье, выйду на шоссе и поймаю попутную машину. Или попрошу первого остановившегося водителя починить мой велосипед!

Убегает.

Он садится за стол, пытается заняться починкой очередного непонятого механизма, но дело не идет, потому что он все время прислушивается к происходящему в соседней комнате. Наконец, она в элегантном наряде быстро проходит через комнату к выходу. На пороге останавливается на секунду, но он молчит, и она уходит.

Он пытается чинить, читать, но ждет, не раздадутся ли снова ее шаги. Бродит по комнате, вертит оставленный ему билет. Вдруг решительно подходит к шкафу, достает с самой дальней полки новую, нераспакованную рубашку, быстро переодевается. Пытается привести себя в порядок, но машет рукой, хватая билет и убегает.

V

Крыльцо дедовского дома – деревянное, добротное, просто, но надежно сделанное.

Дед: Так вот видишь, как оно бывает... Бах – и нет вашего дома. Никто и не понял, то ли взрыв, то ли метеорит упал. А то говорят, это от ракеты ступень отвалилась. Хотя я так думаю, что ерунда это все, дом-то стоял – чихни и развалится. Да все одно, пропало хозяйство. Эх, беда... Ну хоть не зима на дворе, все полегче. Да и что за хозяйство-то было – срам сказать.

Он: Я хотел крышу залатать.

Дед: Да что там латать было. Зато, вишь, сарай уцелел – инструменты, доски там есть. Построисься лучше прежнего, руки-то у тебя куда надо прикручены, да и головы на плечах у обоих есть, учились везде опять же. Да и я помогу, чем могу. Советом, конечно, по большей части, но от хорошей подсказки еще ни одно дело не пропало.

Она: Да, конечно.

Дед: Да и грех жаловаться, когда сами-то живые да невредимые! Угораздило же как раз из дому уйти! Бережет, знать, судьба. В рубашках родились, не иначе.

Она: В рубашках, да.

Дед: А то ведь и бросить можно да уехать, молодые вы, сильные. Да вот хоть в город перебраться. Я бы у вас тогда землю вашу откупил, а? Я хорошую цену дам, на первое время хватит. Подумайте...

Он: Да что тут думать уже...

Дед: А если строиться решите, я вам на лето палатку одолжу. Я бы к себе позвал, да что вам со мной, стариком, со скуки помрете. А на воздухе и спится лучше, и работается потом веселее. Поставите на огороде, первое время там попереночуете. А?

Он: Спасибо.

Дед: Да что уж там. Или забирайте совсем палатку. Может, путешествовать решите теперь, раз уж не держит здесь ничего. Думайте. Я, старый да дурной, чего и не соображу уже, а вы книжек много прочитали, вы хорошо придумаете...

VI

Утро. Солнце то скрывается за плотными облаками, то неожиданно ярко «выстреливает» лучи. Среди развалин стоит палатка. Она греет воду на спиртовке. Он читает газету.

Он: «Синоптики обещают небывало теплую осень. Экологи бьют тревогу. Сотни видов редких перелетных птиц на грани вымирания. Жители городов боятся катастрофического уровня смога».

Она расставляет на старой газете одноразовую посуду, разливает по стаканам кипяток. Откуда-то издали доносится треньканье велосипедного звонка.

Конец.

Февраль-март 2015 г.